

Глава 17

Янь Чичэн и впрямь не пошёл его искать.

Шитоу проболтался в горах полдня. Когда солнце наконец покатилося к закату и в ущелье завывли волки, он, дрожа от холода, вернулся к скромной обители бессмертного владыки. Повязку на глаза он надевать не стал: ему не терпелось увидеть лицо Янь Чичэна, сходящего ума от беспокойства.

Но бессмертный владыка как ни в чём не бывало ужинал.

Шитоу лишился дара речи.

План провалился. Смутившись, он нехотя подошёл к столу и сел напротив. Посмотрев на стоявшее посреди стола блюдо с окунем, он с любопытством спросил:

— Ты что, решил приманить меня запахом рыбы?

Янь Чичэн лишь молча улыбнулся.

— Ешь, пока не остыло, — негромко произнёс он и, поднявшись, вышел из-за стола, чтобы не мешать юноше.

Шитоу понимал, что тот ушёл лишь ради того, чтобы не портить ему аппетит своим присутствием. Церемониться он не стал. Попробовал было орудовать палочками, но те упорно его не слушались. Плонув на приличия, он просто схватил рыбину руками и принялся её грызть.

— Молодой господин Се, не торопитесь так, — мягко промолвила Шуй-нян. — Никто у вас её не отнимет.

Шитоу откусил ещё один изрядный кусок и вдруг спросил:

— Неужели Янь Чичэн ни капли не волновался, когда я сбежал?

Шуй-нян растерялась:

— Хозяин, конечно же, беспокоился.

— Тогда почему не пошёл искать? — поллюбопытствовал Шитоу.

— Если не случается ничего из ряда вон выходящего, хозяин никогда не покидает берегов Озера Малого Зеркала, — тихо ответила Шуй-нян. — Но окажись вы в беде, он бы непременно пришёл на выручку.

— Да он сам здесь словно в заточении, — заговорщически прошептал Шитоу. — А ты знаешь о нём что-нибудь ещё? Ну расскажи, а?

Шуй-нян испуганно покачала головой:

— Больше я ничего не смею говорить. Если хотите знать, спросите у хозяина сами.

После этого Шитоу несколько дней подряд с самого утра убегал в горы. Он бродил среди скал, питаясь ветром и росой, и всё ждал, когда же Янь Чичэн бросится за ним вдогонку. Но бессмертный владыка и не думал этого делать. Он предавался безмятежному досугу: то выводил иероглифы, то удил рыбу, а то и вовсе попивал в одиночестве вино. Хмель почти не отражался на его лице — захмелев, он просто тихо сидел, не выдавая никаких чувств.

В конце концов Шитоу не выдержал и спросил напрямую, почему столь могущественный заклинатель добровольно обрёк себя на отшельничество в этой глуши. Но Янь Чичэн лишь легонько стукнул его кончиком кисти по макушке и отделался туманной фразой: «Придёт время — сам всё узнаешь».

От этих вечных отговорок Шитоу не на шутку разозлился.

«Раз уж ты сам помалкиваешь, я выведаю всё силой! Из этого проклятого ущелья мне всё равно деваться некуда. Буду изводить тебя изо дня в день, пока не вытрясу всю правду!»

В один прекрасный день Бессмертный Ши, рассудив, что погода благоволит его затее, сделал вид, будто уходит насовсем. Сам же затаился в густой кроне старого платана позади Озера Малого Зеркала и, во все глаза уставившись на обитель, приготовился следить за каждым шагом Янь Чичэна.

Янь Чичэн действительно осведомился у Шуй-нян, куда подевался юноша. Та лишь развела руками. Бессмертный нахмурился, вернулся в дом и как ни в чём не бывало занялся своими делами.

Шитоу раздосадованно стиснул зубы, но остался сидеть на ветке. Настало время ужина. Из окон дома потянуло одуряющим ароматом жареной рыбы, к которой сегодня добавились креветки в лёгком соусе и нежная курица в вине «фужун». У Шитоу потекли слюнки, но он стойчески терпел, наблюдая, как Янь Чичэн изящно держит яшмовые палочки, поддевая полупрозрачные кусочки нежной рыбы.

Шитоу со злостью оборвал несчастный листок.

«И у него ещё кусок в горло лезет! И ведь с каким аппетитом ест! Все эти книжные бредни про то, как влюблённые лишаются сна и покоя, чахнут от тоски и худеют — сплошное враньё! Он не просто сыт, он уплетает за обе щёки!»

На самом деле Янь Чичэн едва притронулся к еде. Когда стемнело и в доме затеплились светильники, он подозвал слугу-небожителя и приказал выбросить все нетронутые яства в пруд.

Шитоу мысленно взвыл, но решил, что продержится на дереве ещё дня три, чего бы ему это ни стоило.

На следующий вечер повторилось то же самое, разве что на этот раз в воду полетели ещё и изысканные пирожные с лotosовой пастой. Шитоу понял, что больше не выдержит ни минуты голодовки. Но стоило ему вознамериться слезть с ветки, как он услышал, что Янь Чичэн велел подать вина. С длинной удочкой в руках бессмертный неспешно направился напрямик к старому платану.

«Если он меня поймает, позору не оберусь!» — испугался Шитоу и поглубже зарылся в листву.

Янь Чичэн, казалось, ничего не заметил. Он наполнил кубок, сделал лишь глоток и отставил его в сторону. Опустившись на скамью у перил, бессмертный распустил длинные темные волосы и забросил свою «удочку» в зеркальную гладь пруда.

Только теперь Шитоу разглядел, что в руках у бессмертного не удочка, а гибкий ивовый прут. Его листья испускали такое же мягкое сияние духовной энергии, как и сам Янь Чичэн. Пёстрые карпы кои тут же облепили ветвь, ласково тыкаясь в неё мордами. Янь Чичэн безучастно созерцал их возню. Его взгляд был столь отрешённым и холодным, будто перед Шитоу сидела безжизненная каменная статуя божества.

Шитоу невольно передёрнуло. Он почуял неладное — и предчувствие его не обмануло. Янь Чичэн резко взмахнул ветвью, и та с глухим шлепком рассекла воду, отгоняя рыб прочь.

Раздался всплеск. Испуганная стайка брызнула в стороны, но мгновение спустя карпы снова упрямо потянулись к светящейся иве. Янь Чичэн смотрел на воду, устремив тяжёлый взор сквозь колышущуюся толщу к самому дну. Снова взмах — и хлёсткий удар обрушился на воду. На этот раз куда сильнее. Полетели брызги, а вместе с ними — мелкие сверкающие чешуйки, вспыхнувшие в лунном свете радужными искрами.

«Ещё удар — и он их просто искалечит», — с содроганием подумал Шитоу. Пытаясь устроиться поудобнее, он заерзал на ветке, но та предательски зашуршала листвой. Юноша замер, затаив дыхание, испугавшись, что этот безжалостный хлыст в следующий миг опустится уже на его собственную спину.

Шитоу отвёл взгляд от воды. Прошло около четверти часа. Янь Чичэн отбросил ивовый прут,

снова взял кубок, отпил немного и прищурился, погружившись в раздумья. Внезапно он вскинул руку, сложил пальцы в заклинание и негромко скомандовал:

— Взиране на Небеса!

Покрытая чешуёй гладь пруда слабо замерцала. Шитоу округлил глаза от изумления: вода, рыбы и песчаное дно вдруг ухнули вниз, обратившись в отвесный водопад. Крошечный пруд превратился в заоблачную вершину, откуда брали начало небесные потоки. Далеко внизу, под пеленой брызг, раскинулись горные пики и ущелья. Заклинатели, казавшиеся отсюда не больше муравьёв, сновали среди скал в сине-белых даосских одеяниях. Они упражнялись со светящимися мечами, сходились в тренировочных боях и перелетали с кручи на кручу. Для простых смертных это зрелище показалось бы величественным полётом небожителей, но с этой заоблачной высоты они выглядели жалкими мошками, лишёнными всякой искры подлинной жизни.

Шитоу с любопытством наблюдал, как крошечные фигурки творят заклинания. Ему даже стало забавно, и он увлёкся этим зрелищем, пока какой-то шорох внизу не вернул его к действительности. Юноша поспешно перевёл взгляд на Янь Чичэна. Тот снова подобрал ивовую ветку и неторопливо крутил её в пальцах.

Его тёмные глаза смотрели на парящих в вышине адептов с той же леденящей пустотой, с какой только что созерцали беззащитных карпов.

Шитоу похолодел от ужаса. Подавшись вперёд, он наполовину высунулся из листвы, но тут же растерялся, не зная, что предпринять. Тело онемело, он потерял равновесие и соскользнул с ветки. Едва успев зацепиться ногами за толстый сук, он повис вниз головой, точно неловкая ящерица, и беспомощно захлопал руками в воздухе.

Янь Чичэн резко обернулся. В глубине его беспросветно чёрных зрачков вспыхнул зловещий зелёный огонёк. Шитоу вздрогнул от страха и отчаянно вскинул пальцы, бездумно повторяя жест, подсмотренный у летающих внизу заклинателей.

— Призываю! — выпалил он.

Ивовый прут в руках Янь Чичэна ожил, вырвался на свободу и взмыл вверх. Прежде чем Шитоу успел осознать, что натворил, гибкая трёхфутовая ветвь послушно легла в его ладонь.

— Да я, оказывается, гений! — расплылся в улыбке Шитоу. — И надо же было мне столько лет побираться... Ой!

От радости он забыл про осторожность. Зацепившиеся за сук ноги соскользнули, и юноша с глухим стуком рухнул прямо в густые кусты под платаном. Приподняв голову, он упёрся взглядом в расшитые шёлком сапоги Янь Чичэна, который медленно приближался к нему.

— Мог бы и поймать! — рассердился Шитоу, отряхиваясь от земли. — Бессердечный ты сухарь!

Но закатить привычную истерику он не успел. Взгляд бессмертного, леденящий и пугающий, упёрся в него с такой силой, что юноша невольно сжался.

— Кто тебя научил? — Янь Чичэн опустился перед ним на корточки. Голос его так и дышал холодом. Он обхватил пальцами изящный подбородок юноши, а второй рукой крепко перехватил его тонкую бледную шею. — Кто показал тебе это заклинание?

Хватка не была удушающей, но Шитоу всё равно почувствовал, как перехватило дыхание. Он ясно ощущал исходящую от бессмертного жажду убийства, густо замешанную на винных парах. Прежде Янь Чичэн всегда прятал свои когти, но сейчас этот яростный напор грозил разорвать саму душу юноши в клочья.

— Эй, да ты никак пьян? — Шитоу попытался робко оттолкнуть державшую его руку. — Ты же сделал всего пару глотков...

— Кто тебя научил? — впервые в жизни Янь Чичэн бесцеремонно перебил его.

По спине Шитоу пробежал озноб. Поняв, что шутки кончились, он поспешно опустил голову и забормотал правду:

— Никто не учил. Я просто подсмотрел, как выпендриваются эти даосы из школы Улин, вот и повторил.

Янь Чичэн продолжал в упор разглядывать его, и во взгляде его сквозило неприкрытое недоверие.

Шитоу накрыла волна жгучей обиды. Уж кто-кто, а он привык сам обводить всех вокруг пальца. Чтобы он сознался во всём честно, а его ещё и подозревали?

— Ах ты неблагодарный сумасброд! — в сердцах выкрикнул он. — Сам ведь прекрасно знаешь, что я безродный бродяжка. Моя единственная наука — как свиней резать, которой меня Ван Лаосань научил! Кому бы ещё взбрело в голову возиться со мной?

Янь Чичэн замер, явно колеблясь.

Заметив это замешательство, Шитоу мгновенно сориентировался и решил перехватить инициативу. Он капризно надул губы:

— У тебя под началом целая великая школа! Своих учеников ты обучаешь великому искусству, передаёшь им сокровенные знания, а меня обходишь стороной. И при этом уверяешь, будто я

тебе дорог! Но стоит мне случайно подсмотреть чужую технику, как ты тут же набрасываешься на меня и вымещаешь злость. Скажи честно, ты вообще меня любишь?

— Се Цюши, — нахмурился Янь Чичэн.

Шитоу тут же зажал уши руками и принялся отчаянно мотать головой, демонстративно причитая:

— Опять кричишь! Ну конечно, всё это притворство! Ах ты бессовестный обманщик, пользуешься тем, что я невинный юноша, жизни не видевший и не знающий, сколь коварны мужские сердца...

Он не успел договорить. Тело его внезапно задеревенело, а глаза широко распахнулись от изумления.

Прохладные губы коснулись его собственных, лишая дара речи. Янь Чичэн целовал его мягко, но настойчиво, словно пробовал на вкус изысканное лакомство, увлекая за собой и осторожно прикусывая его губы кончиками зубов.

— У-у-у... — Шитоу не сопротивлялся. Ему казалось, что он тонет в этой беспросветной черноте чужих глаз. Воздуха критически не хватало, и он мог лишь тихо и жалобно мычать, пытаясь выразить хоть какое-то подобие протеста.

— К чему тебе эти никчёмные фокусы? — прошептал Янь Чичэн. Мутная пелена хмеля в его глазах чуть рассеялась, но рассудок всё ещё оставался затуманенным. — Я научу тебя другому... Тому, чего никто больше от меня не узнает. Согласен?

Шитоу так и не понял, как перенёс эту безумную, туманную ночь. В его памяти осталось лишь то, как Янь Чичэн крепко сжимал его в объятиях — бережно, но властно, словно пойманную пичугу, не давая ни расправить крылья, ни издать хоть звук. Каждая клеточка его тела подчинялась воле бессмертного, каждое дыхание было украдено. Когда Янь Чичэн хотел подарить ему блаженство, Шитоу плавился от неги; когда заставлял страдать — горько плакал. В конце концов страх отступил, сменившись иступлением. Он обвинил бессмертного всем телом, словно лоза, цепляющаяся за ствол дерева, и, глотая слёзы, умолял:

«Пожалуйста... не мучай меня больше».

Проснувшись, он обнаружил, что всё ещё крепко сжимает ладонь Янь Чичэна. Тот, казалось, и вовсе не спал — просто полулежал в изголовье кровати с закрытыми глазами. Его длинные чёрные волосы шёлковым покрывалом разметались по простыням, а несколько прядей касались обнажённого плеча Шитоу.

Юноше пощекотало кожу, он невольно вздрогнул, и от этого движения Янь Чичэн тут же

распахнул свои непроницаемые тёмные глаза.

— Ты не спал, — хрипло пробормотал Шитоу.

Янь Чичэн промолчал.

— Пожалуй, не нужно мне твоих уроков, — Шитоу попытался прокашляться, но сорванный голос всё равно безбожно хрипел. Густо покраснев до самых кончиков ушей, он сердито отвернулся. — Обойдусь без твоей бесстыдной науки.

Бессмертный ничего не ответил. Он лишь ласково посмотрел на него сверху вниз — его взгляд снова стал мягким, лишившись вчерашней пугающей ярости. Запустив прохладные пальцы в мягкие волосы юноши, он принялся неторопливо перебирать пряди.

— Всё ещё боишься меня? — тихо спросил он.

— Уже меньше, — едва слышно выдавил Шитоу. Немного помолчав, он тихо добавил: — Скажи... раз я пропал, почему ты не пошёл меня искать? Зачем надо было сидеть здесь одному и срывать злость на ни в чём не повинных рыбах?

— Я не знал, капризничаешь ты или действительно решил покинуть меня... — так же тихо ответил Янь Чичэн. — Хотел ли ты, чтобы я бросился следом, или надеялся, что я буду терпеливо ждать твоего возвращения здесь? Откроешь мне свою тайну?

Бессмертный владыка редко снисходил до столь долгих речей. Его низкий, вкрадчивый голос баюкал, подобно лунному свету, растворившемуся в чаше вина. Слушая его, Шитоу невольно вспомнил всё, что происходило между ними этой ночью, и язык его окончательно онемел от смущения.

Внезапно он осознал, что и сам не знает ответа на этот вопрос.

<http://bllate.org/book/18360/1798421>